

стали быть долги, а голова вниз повисла, а когда себя прямо осмотрел, обретох себя ослом быти. Речь у меня отиялася, что жаловаться не мог; я домогался всеми мерами дать ей знать, что меня вместо птицы во осло обратила. Она меня стала щекотити и голову гладить и стала говорити: «О небеса! Что я соделала поспешнем моим? || Обманул подобием своим ящичек меня, однако ж, ангел мой, не бойся, сие может легко исправитись, ибо егда цвета серебрянного поесц, то обратисся паки во человека, того ради принесу тебе и серебрянного цвета». Сие сказывая, гладила меня необыкновенно.

л. 92,
об.

Я телом своим был ослом, а душею человек и zelo жаловался в себе на Палестру, кусая себя в губы свои, и пошел к лошади своей и к подлинному ослу Ипархову, которая меня пришедшаго видя, опасаясь, что сено их прием, опустили уши свои и изготовились меня брыкать. Сие дознався, пошел я прочь от конюшни, смеючися в себе, но смеяние мое было ржание. Между тем мыслил я в себе: «Аще бы да теперь волк к нам пришел или иной лют зверь на меня, беднаго?» От сего попечения пришел мне страх, чтоб какова зла надо мною не учинилось.

Сие было гораздо поздно в нощи и zelo тихо, иногда же слышался мне шум, аки бы воры вламывались. Уже дпра такова велика стала, что человек может влесть, между тем уже многия оруженныя вошли и связали Ипархиа, Палестру и холопа моего и пограбили все, что в дому было и взяли меня || с моею лошадыю и другим ослом с собою и положили тягости, которая были, на нас и погоняли нас палками, и побежали вверх на горы. Мы необыкновенны были между нами ослами такую тягость носити, а особливо не имея подковы, принужден по острым каменем ходити. Я уже было пристал и повалится хотел наземь, но муж, следуя мне, бил меня палкою непрестанно, а когда мне похотелось на кесаря послатся, то ржал вместо глаголания, но точию «О» великим гласом мог испущати, а слово «кесарь» не хотело следовати и того для вящее был биен, может быти, что сего моего ржания боялись, чтоб по нем найдены не были. Ржанием моим ничего зделав, намерялся я, чтоб не был бит паче, нишкнути.

л. 93

Уже стал быть день и перешли мы многия горы. Губы наши были завязаны, дабы на пути чего не ясти и время тем не потерять. Около полудни пришли мы к нескольким разбойником, знающим наших людей, еже из поздравления и из глаз приметити возможно было. Оне приказали борошень снять и обедать. Мы получили несколько ячменя, || а когда протчия ели, был я иногда голоден, Фибо к такой пице необыкновенен был.^x Мысля себе, что мне ясти, увидел огородец за двором полон капусты, между которыми показалось мне серебряннику быти, а доколе они ели, пошел я на двор капусты ясти, также и серебрянника пощипати, надеяся паки во человека обратитись. Пришед во огородец, наполнил я чрево свое реткою, салатом и седдериею, однако ж не было тамо

л. 93,
об.

Ф^x В ркп. заключено в квадратные скобки.